

В нашей синагоге. Франц Кафка

В нашей синагоге живет зверек величиной с куницу. Он часто очень хорошо виден, на расстояние примерно до двух метров он подпускает людей. Окраска у него голубовато-зеленоватая. До его меха еще никто не дотрагивался, насчет этого, стало быть, ничего нельзя сказать, думается даже, что и настоящий цвет меха его неизвестен, а видимый цвет получился только от пыли и от известки, забившейся в шерсть, ведь цвет этот походит и на штукатурку внутри синагоги, только он немного светлее. Если бы не его пугливость, это был бы необыкновенно спокойный, малоподвижный зверек; если бы его так часто не вспугивали, он вряд ли менял бы место, любимое его местопребывание-решетка женского отделения, он с явным удовольствием вцепляется в петли решетки, вытягивается и смотрит вниз в молельню, эта смелая поза, кажется, радует его, но службе наказано сгонять зверька с решетки, а то он привыкнет к этому месту, чего из-за женщин, которые боятся зверька, допустить нельзя. Почему они боятся его, неясно. Правда, на первый взгляд он страшноват, особенно длинная шея, треугольная мордочка, почти горизонтально торчащие верхние зубы, над верхней губой ряд длинных, нависающих над зубами, явно очень жестких, светлых щетинистых волос, все это может испугать, но вскоре видишь, как неопасна вся эта кажущаяся страшность. Прежде всего, он ведь старается держаться подальше от людей, он пугливей лесного зверька и ни к чему, кроме самого здания, кажется, не привязан, и личная беда его состоит, видимо, в том, что здание это – синагога, а значит, порой очень оживленное место. Если бы можно было со зверьком объясниться, его можно было бы хотя бы утешить тем, что община нашего горного городка из года в год уменьшается и ей уже трудно добывать средства на содержание синагоги. Не исключено, что через некоторое время синагога превратится в амбар или что-то подобное и что зверек обретет покой, которого у него сейчас, увы, нет.

Боятся зверька, впрочем, только женщины, мужчинам он давно безразличен, одно поколение показывало его другому, его видели снова и снова, наконец на него перестали обращать внимание, и даже дети, которые видят его впервые, уже не удивляются. Он стал домашним животным синагоги, почему бы синагоге не иметь особого, нигде больше не встречающегося домашнего животного? Если бы не женщины, то о существовании этого зверька, наверно, уже забыли бы. Но и женщины-то по-настоящему не боятся зверька, да и странно было бы бояться такого зверька изо дня в день, годами и десятилетиями. Они, однако, оправдываются тем, что зверек обычно гораздо ближе к ним, чем к мужчинам, и это верно. Спуститься вниз к мужчинам зверек не осмеливается, его никогда еще не видели на полу. Если его прогоняют от решетки женского отделения, он пребывает по крайней мере на той же высоте на противоположной стене. Там есть очень узкий выступ, шириной от силы в два пальца, он обходит три стены синагоги, по этому выступу зверек иногда шмыгает взад-вперед, но чаще он сидит на определенном месте напротив женщин. Почти непонятно, как ухитряется он с такой легкостью пользоваться этой узкой дорожкой, и замечательна ловкость, с какой он там, наверху, дойдя до конца, поворачивает обратно, это ведь уже очень старый зверек, но он не останавливается перед самыми смелыми прыжками, которые неудачными никогда не бывают, он повернется в воздухе и побежит назад той же дорожкой. Правда, увидев это несколько раз, вполне насыщаешься, и неотрывно смотреть на это не тянет. Да и женщин приводит в волнение не страх и не любопытство, будь они больше заняты молитвами, они совсем забыли бы о зверьке, благочестивые женщины и в самом деле забыли бы, если бы это допустили другие, которых гораздо больше, но тем всегда хочется обратить на себя внимание, а зверек для этого – удобный предлог. Если бы они осмелились, они приманили бы зверька еще ближе к себе, чтобы можно было пугаться еще сильнее. Но на самом-то деле зверек совсем не стремится к ним, если на него не нападают, ему до них так же нет дела, как и до мужчин, он рад был бы, наверно, оставаться в том уединении, в котором живет в часы, когда нет службы, по-видимому, в какой-нибудь еще не обнаруженной нами дыре в стене. Только когда начинают молиться, он появляется, вспугнутый шумом. Хочет ли он посмотреть, что случилось, хочет ли оставаться настороже, хочет ли быть свободным, способным к бегству? От страха он выбегает, от страха выделяет свои прыжки и не удаляется, пока не кончится богослужение. Высоту он предпочитает, конечно, потому, что там безопаснее и бегать удобней всего по решетке и по стенному выступу, но он вовсе не всегда там, иногда он спускается ниже к мужчинам, занавес завета держится на блестящей медной перекладине, она, кажется, манит зверька, он довольно часто туда прокрадывается, но там он всегда спокоен, даже когда он у самого кивота, нельзя сказать, что он мешает, своими сверкающими, всегда открытыми, вероятно, без век, глазами он словно бы взирает на общину, но, конечно, ни на кого не глядит, а только подстерегает опасности, которые, как он чувствует, ему угрожают.

В этом отношении он, во всяком случае до недавнего времени, казался не более смысленным, чем наши женщины. Каких таких опасностей бояться ему? Кто собирается что-то ему сделать? Разве он целиком не предоставлен себе уже много лет? Мужчины не замечают его присутствия, а большинство женщин было бы, наверно, несчастливы, если бы он исчез. А поскольку он единственное животное в этом доме, врагов у него вообще нет. Это он мог бы за долгие годы наконец-то уразуметь. Да и богослужение своим шумом, наверно, очень пугает зверька, а оно ведь регулярно и без перерывов повторяется в скромной мере по будням и в усиленном виде по праздникам; даже самый пугливый зверек мог бы уже привыкнуть к этому, особенно убедившись, что слышит не шум преследования, а шум, которого он просто не понимает. И все-таки этот страх! Память ли в нем о далеком прошлом или предчувствие будущего? Может быть, этот старый зверек знает больше, чем те три поколения, что собирались в синагоге в разные времена?

Много лет назад, так рассказывают, действительно были попытки прогнать зверька. Возможно, что это правда, но вероятнее, что это какие-то выдуманные истории. Достоверно известно, во всяком случае, что вопрос, можно ли терпеть зверька в Божьем доме, разбирали тогда с точки зрения религиозных законов. Были получены заключения разных раввинов, мнения разделились, большинство было за изгнание и за то, чтобы освятить Божий дом заново. Но легко было давать указания издали, в действительности же было невозможно поймать зверька, а потому невозможно и прогнать его. Ведь только поймав его и удалив, можно было быть более или менее уверенным, что избавились от него.

Много лет назад, так рассказывают, действительно попытались прогнать зверька. Служка будто бы помнит, что его дед, который тоже был служкой, любил об этом рассказывать. В детстве дед этот часто слышал, что от зверька невозможно избавиться, и с тех пор ему,

отличному верхолазу, не давало покоя его честолюбие, в одно светлое утро, когда все углы и уголки синагоги заливал солнечный свет, он прокрался туда, вооружившись веревкой, прашей и посохом.